

ЖЕСТОКАЯ ДРАМА ЛЮБВИ

Русская тема в Мюнхенской опере

Алла Бураковская

Опера

СНАЧАЛА кажется, что будут давать «Бориса Годунова», — открытая сцена представляет собой Красную площадь, по которой бродят ожидающие решения своей участи крестьяне и горожане. Но на этом сходство с «Борисом» и связь с русским эпосом кончатся. Годунов умер, и народу вновь неясно, кто будет над ним царствовать. Русская лиричность и тоска обозначены уже в первых тактах задумчиво звучащей увертюры. Русская дикость представлена вилами в руках женщин и повешенным у левой кулисы — возле нее в основном происходит толчея, которая в опере часто имитирует движение взволнованных групп людей. Не забыты также русская зима (снег все из той же левой кулисы) и русское искусство (аккуратно исполненные копии икон и фресок). Словом, Россия в ассортименте для заграницы.

Так начинается «Дмитрий» Антонина Дворжана — опера с музыкой, кажущейся малоинтересной рядом с шедевром Мусоргского. Главным действующим лицом в ней выступает Самозванец — но не честолюбивый и мягущийся авантюрист Пушкина и Мусоргского, а — волей Шиллера и его «перелицовщицы» либреттистки Марии Червинковой-Ригровой — искренне верящий в свое царское происхождение юноша. Юношу в Мюнхенской опере представляет корпулентный, лет пятидесяти тенор (Кеннет Гаррисон). Чтобы взять ноту выше для первой октавы, ему нужно подняться на цыпочки, и это несложное движение становится доминантой общей сценической пластики, потому что опера лирическая, и в ней все без конца выясняют отношения со всеми, но прежде всего — с Дмитрием. Эти «все» нам знакомы с детства: Марина Мнишек, Василий Шуйский, Ксения Годунова. Не последнюю роль играет также Марфа, вдова Иоанна и мать настоящего царевича, сосланная в свое время Борисом в монастырь (Лизия Будай). Она признает в Самозванце сына по соображениям чисто политическим: чтобы отомстить Годуновым и вернуть былое положение, поскольку народ, в волнении гуляющий во-

круг повешенного, очень ждет идущего с поляками на Москву Дмитрия.

Чтобы претендентов на престол было меньше, вдову Бориса и его сына Федора убивают за кулисами, но Ксению (Ливия Агова), как главную лирическую героиню, успевают спасти Шуйский. Когда она выбегает на сцену, чтобы спеть выходную арию, сразу убеждаешься, что ты — в Германии: русская боярышня одета в голубой сарафанчик «ампир», на ладонь не достающий до щиколоток, и белую блузку с декольте, перед которым, наверное, сняла бы огромную шляпу с перьями французская маркиза XVIII века. Сопрано у Ксении, впрочем, чистенькое, и вообще она лучше Марины, зримой и звуковой пародии на Монсеррат Кабалье (надежда мюнхенской оперы Мариана Николеско). Дмитрий, Марина и поляки появляются вслед за Ксенией и успокаивают народ: «царевич» надевает на себя шапку Мономаха, которую выносит на подносе, как рюмку водки из трактира, мальчик-половой. Поляки-хористы празднуют свое торжество, танцуя нечто среднее между полонезом и мазуркой.

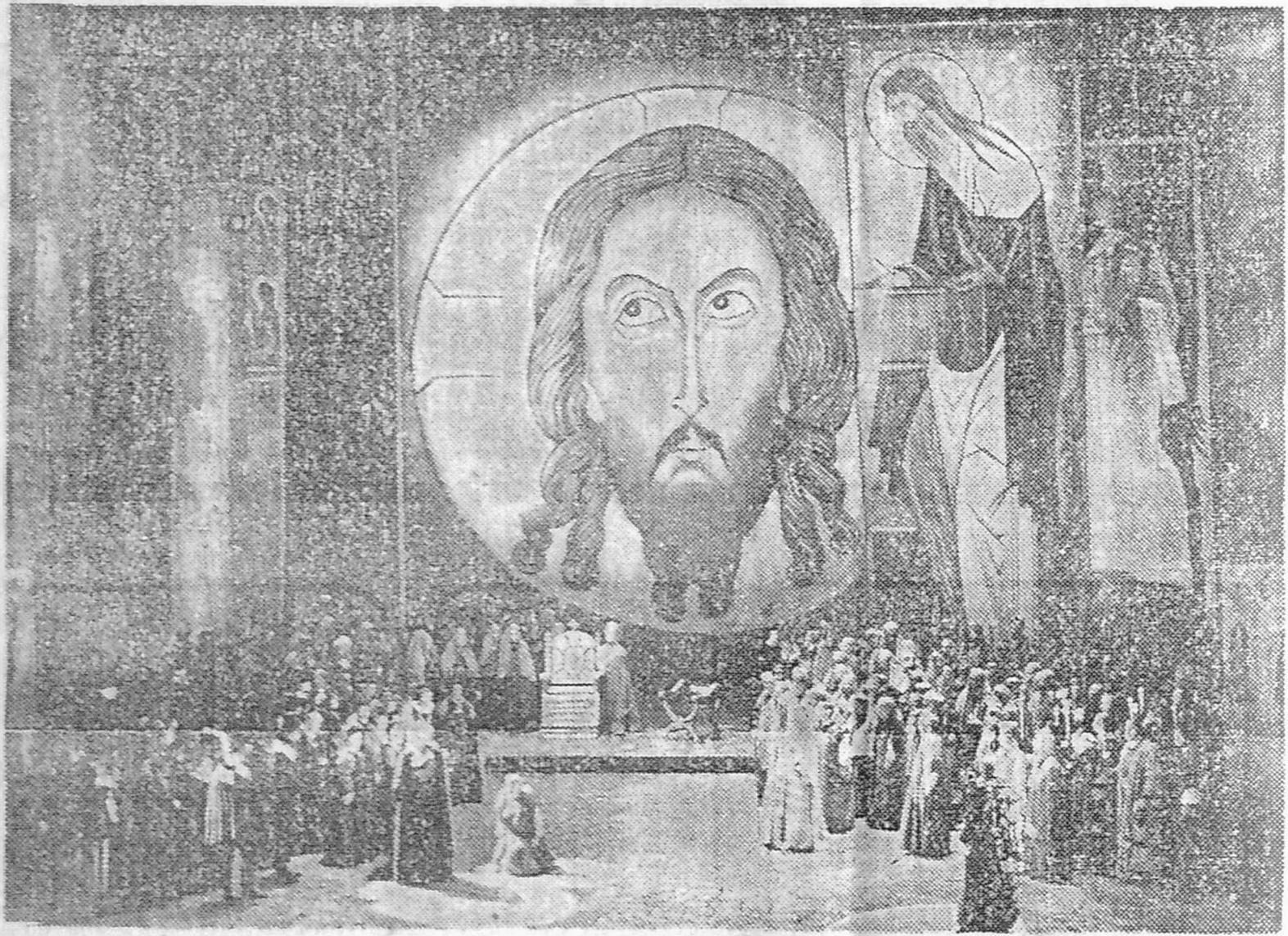
Очень скоро, впрочем, воспи-

танный при польском дворе подкидыш Гришка Отрельев, которого убедили в том, что он — законный наследник русского престола, начинает терзаться сомнениями: ведь он в России, а тут спокойным быть не дано никому. К тому же спесивая Марина отказывается переходить в православную веру, а Ксения так мила... Ей, кстати, тоже представляется возможность спасти своего благодетеля Шуйского, затеявшего антипольский заговор, не увенчавшийся успехом.

Марина тем временем зорко присматривает за отбивающимся от рук царевичем, вернее, царем. После двух его дуэтов с Ксенией она — ничего не поделаешь — вручает своим придворным нож, который те пускают в дело. Ксения мертва. Вновь появляется русский народ, недовольный, что его царевну, хоть и бывшую, убили иноземцы. Поляки трусят. Марину арестовывают, и в отместку она доносит на Самозванца. Марфа в смятении. Интриган Шуйский пользуется общим волнением и, не мешкая, застреливает Дмитрия из пистолета (действие происходит в 1605 году). Мальчик-половой выносит шапку Мономаха Шуйскому. Конец.

Вот какой спектакль можно посмотреть в Мюнхене, одном из красивейших европейских городов, на сцене Баварской Штаатсопер, именуемойся также Национальным театром, — такой старообразный и нелепый, как если бы ставили его лет тридцать назад где-то в глухой провинции. Там опере еще полагалось быть скучной, сценографии — «реалистичной», оркестру — плохим, а дирижеру — никаким. Режиссер же был фигурой и вовсе ненужной...

Дирижер Николай Ульянов (из Нижнего Новгорода; он заменил в прошлом сезоне блистательного Валерия Гергиева в очень хорошем спектакле «Борис Годунов» и с тех пор «прижился» в Мюнхене) точно подходит под разряд «никаких», Режиссер Тони Палмер, известный на Западе интересными постановками «Войны и мира» и «Троянцев», почему-то в «Дмитрии» счел за лучшее самоустраниться. Интересно, когда в Мюнхене в следующем сезоне будут ставить третью часть международно оперной трилогии про «смутное время» на Руси — «Ивана Грозного» Жоржа Бизе, — режиссер и дирижер поставят перед собой ту же задачу?

Сцена из спектакля «Дмитрий» на сцене Баварской Штаатсопер.

Фото Рабанус.